

никакого следа. Вот навстречу друг другу идут два облачка, вот они встречаются, соединились вместе и понеслись в бесконечность. Я не вижу окружающего, — я там, с облаками, где так много простора. Я оглядываю комнату, схожу с кана, иду мимо амы в кладовую, наливаю себе в чайник мой-гой-ло, китайское сладкое вино, в кухне около очага я подогреваю чайник. Бедная ама! Она смотрит невидящими глазами, я знаю ее преданность собаки, — только для нее я была госпожой, беззащитная, как и она, рабыня!.. Я согреваю вино, наливаю чашечку аме. Первые две-три чашечки я пью с удовольствием. Потом я допиваю чайник насильно. Я хочу опьянеть, забыться. Мне это удастся. Мне все безразлично.

Я пью каждый день. Сун заметил.

— Ты опять беременна? — спросил он радостно.

— Мне скучно, — говорю я.

Он не верит, он целует меня по-китайски, то есть нюхает мою щеку. Мне уже не скучно, мне страшно.

Старуха Чо прожила в своем гробу у нас на дворе больше месяца, ожидая своего гороскопического числа. Через два дня на третий выли на дворе досы. Ее наконец похоронили.

Я травилась. Никого не было дома. Я знала, где у Суна лежит опиум. Я взяла у него кусочек. Мне показалось, что доза будет мала, я взяла еще кусочек. Я положила опиум в рот и быстро проглотила его. Первые минуты я ничего не чувствовала, потом меня стало тошнить, во рту пересохло. Мне хотелось пить, но я пересилила себя. Чтобы умереть скорее, я легла на постель. Боли никакой не было. Засвистело в ушах, точно на дворе был сильный ветер. Я стала ощущать, как немели мои ноги, руки, ногти принимали синий оттенок. Сквозь туман сна я видела предметы в комнате, поющих жаворонков. Предметы стали меняться в размерах, жаворонки казались необыкновенно большими. Мне казалось минутами, что я громадная, как верста, а то казалось, что я величиною с пушинку, что сейчас, стоит мне двинуть рукою, я полечу. Тело было легкое-легкое, тянула одна мутная голова. Вдруг обрушилось что-то, я потеряла сознание. Я пришла в себя на кане в другой комнате. Старуха била меня по щекам что есть

мочи. Сун держал меня за плечи. Старшая жена наливала мне в рот горькую жидкость. Тело мое ныло от боли, точно я прошла громадную дорогу и налилась свинцом от усталости. Сердце то замирало, то так усиленно начинало биться, что я с ужасом открывала глаза, которые хотели выскочить из орбит. Меня рвало, казалось, что внутренности хотят вывернуться наизнанку. Меня спасли мылом. Мне давали пить разведенное в воде мыло. Мать била меня, чтобы я проснулась и чтобы наказать. Четыре дня били меня, чтобы я не засыпала так сильно, когда сон может перейти в смерть. Все тело мое было в синяках. Меня били все по очереди. На дворе никто не знал о том, что я травилась. Аме строго было наказано молчать. Четыре дня истязали меня бессонницей и побоями. Когда я встала на ноги, меня поклялись убить, если я скажу кому-либо о самоубийстве, позорящем род.

9

Мертвый жених, мертвая невеста: когда умирает девушка или юноша, их не хоронят сразу, а подыскивают им мужа или жену. Мертвый жених и мертвая невеста обручаются живыми родителями, родители совершают брачные обряды и хоронят мертвых жениха и невесту рядом в одной могиле. Часто можно видеть, как гроб одиноко стоит на окраине города — это жених ждет невесту!

Я была на свадьбе живых. Женился сын Ли-тэй-тэй. В восемь часов утра на рикшах мы подъехали к дому Ли. У ворот нас встретили музыканты — однострунные визжащие скрипки, литавры, деревянные трещотки. Музыканты встречали всех гостей тремя мотивами — одним мотивом идущих парюю, другим — мужчин, третьим — женщин.

Местом пира был двор. Двор был разукрашен подарками молодым, разноцветными кусками шелка, устлан циновками. Висели изречения: будьте счастливы, будьте многодетны, желаем благополучая. Двор был разделен на два отделения — для мужчин и женщин. Гости приходили, степенно обмахиваясь веерами.

Невесту принесли в паланкине и спрятали в комнате, там ей выщипывали волосы и к ней никого не до-

пускали. От зноя и музыки трещало за ушами. Жених был среди гостей. Среди гостей было высокое начальство. Остальные гости, жених и отец жениха больше заботились о начальстве, чем о самих себе, забывая о невесте. Невесту же в это время оципывали специальными щипчиками, чтобы у нее не было лишних волос, обмазывали кремом, белилами и румянами. Невесту наряжали в фату, украшали цветами. Жених, как полагается, еще не видел невесты так же, как и она его. Сын Ли-тэй-тэй видел только фотографию невесты. Невесту принесли еще с вечера и заперли со свахами, она не могла выходить даже в уборную и ела пищу, запасенную из дома. Из дома невесту принесли на руках в паланкине. Любопытные, подходившие к двери в комнату невесты, слышали, как она плачет и причитает о том, что ей страшно в чужом доме и что она не знает, каков будет ее муж, не урод ли.

Все приходившие разбивались по группам. Специально приглашенные повара разносили обед. Есть начали с утра. Мои соседки удивлялись, что я сижу, поджав ноги, как китаянка, и владею в совершенстве палочками для еды. С утра же все подвыпили. В доме была заготовлена комната для курения опиума, там все время валялись окурившиеся без меры. Мне этот день был очень тяжел, потому что, как только мы пришли, один из начальников стал волочиться за мной, говорить неприличности. Сун все время ходил за нами, хихикал, прикидывался ничего не видящим, — Суну очень хотелось угодить начальникам, — а дома вечером он отколотил меня за то, что я позволяла лишнее, хотя никакого лишнего не было.

Надо правду сказать, начальники вели себя как пираты и были все время окуреными. Если другие курили опиум с осторожностью и с оглядкой, боясь доноса и штрафа, то начальники ничего не боялись, потому что себя-то они штрафовать не станут. Гости были человек семьдесят, обедали уже третий раз... Так прошел целый день.

На ночь все разошлись по домам, чтобы наутро собраться вновь. Наутро привезли приданое невесты и разложили его по двору для всеобщего рассматривания. Одна из свах состояла при приданом, показывала его любопытствующим и объясняла назначение предметов, сообщая обязательно их цены. Опять с утра объедались.

К полудню, наконец, показалась невеста. Из комнаты новобрачной тянулась шелковая дорожка. Она вышла в черной фате, вся в искусственных цветах. Шелковая дорожка тянулась к богу, стоявшему на дворе. Около порога лежало седло и ожидал жених. Жених подал руку невесте, они перешагнули через седло и пошли к богу. Лицо невесты было закрыто фатой. Свахи несли серебряную бутылку с вином. Около бога дали жениху и невесте выпить из серебряной бутылки. Все рассматривали ноги молодой, как она идет по шелковой дорожке. Все время играла музыка, у всех в руках были свечи. Свечи не тушили и за столом, хотя был знойный полдень. Невеста ушла в свою комнату, за ней пошли свахи и жених, — в брачной комнате жених должен был сорвать с лица жены фату. Мужчины набросились на окна и двери и стали дырявить оконную бумагу, чтобы видеть, как муж снимет фату с жены, — таков обряд. Когда обряд срывания фаты был окончен, двери к молодым открыли, и все могли приходить с поздравлениями. Жених и невеста оставались в своей комнате, там чадили священные курения перед идолами, туда молодым приносили обед. Молодая кланялась всем, чтобы показать, что ноги ее хорошо ее держат. Гости то ели, то вышивали, то курили, то ходили к молодым. Перед вечером сели за обед, который возглавляли молодые, по руку молодой — женщины, по руку молодого — мужчины. Молодая кланялась всем гостям, рассаживая их по родству и богатству, угощала, прося не брезговать ее домом, но сами молодые не ели за общим ужином, они должны были ужинать отдельно, у себя, после того как поедят гости и родственники. Гости по очереди должны были рассказать по неприличности, невеста должна была повторить неприличность. Отличались начальники, которые рассказывали совершенную похабщину, которую невеста должна была повторить. Жениха просили, чтобы он побил жену; он бил, делая страшное лицо. Просили также и молодую побить мужа; она умиленно била. Затем под свист, пение, крики и совершенно похабные напутствия, которых мне никогда ни раньше, ни позже не приходилось слышать, молодых отвели в их спальню. Из-за стола разошлись поздно, но гости по домам не расходились.

Утром на другой день я узнала, что часть гостей не уходила всю ночь и что ночью у молодой из спальни украли штаны, повесив их на дворе на колу. Так дли-

лось еще три дня, пока молодые не уехали к родственникам невесты.

Эта свадьба мне показалась утомительнее похорон, и я все время вспоминала о том, как женятся мертвецы. У молодой же невестки Ли-тэй-тэй не было счастья. Вскоре после свадьбы по обычаю молодые ездили к волхву. Ворожей сказал, что она умрет от первых родов. Так и было. Через десять месяцев после свадьбы родился прекрасный здоровенький мальчик, мать же умерла от неизвестной болезни. Все месяцы своей беременности она говорила о смерти. То безудержно веселая, то грустная до слез, она спешила жить своей маленькой китайской жизнью. Она каждодневно по нескольку раз переодевала свои наряды, украшала себя, каждый день она звала к себе гостей и угощала их сладостями, раздарилая безделушки. Перед родами она подарила мне флакон духов и носовые платочки, сказав, что ей больше все это уже не понадобится. Роды прошли благополучно, но вдруг она стала жаловаться, что в ее глазах все темнеет, она стала задыхаться, она кричала, что ей душно и темно. Затем она затихла и умерла.

Ее гроб долго стоял за городом. Женщина, умершая после первых родов, сразу становится чертом, но тем не менее ей надо испытать сладость материнства, и если ребенок остался жив, ей подыскивают загробного жениха. Мертвая невеста, мертвый жених!.. А в доме Ли-тэй-тэй были глубоко убеждены, что молодая умерла потому, что волхву-ворожею мало заплатили, когда ездили к нему гадать.

10

Я забеременела. Старуха узнала об этом. Она приставила ко мне сторожей, я не могла ни быстро ходить, ни работать. Она решила во что бы то ни стало заставить меня родить. Меня спасла Сы-вын-куй. Я сказала ей, что я не хочу быть матерью.

— Хорошо, я помогу тебе, — сказала она.

Я была уже на четвертом месяце. Она вскорости приехала к нам. Она сунула мне в пакетике зернышки, похожие на кофейные, сказала, что они называются пату, начала было говорить, как их принимать, но в этот момент наш разговор прервали, и нам не удалось боль-

ше поговорить. Я наугад выпила четыре зерна, мелко изрубив их, и запила чаем, чтобы скорее действовало. Во рту я почувствовала горький, палящий привкус миндаля. Через несколько секунд в животе начало рвать, отрыгивалось горьким. Меня вырвало в уборной два раза. Меня схватил такой понос, какого до сих пор не было ни разу в жизни. Сразу я ослабела до того, что не могла стоять. Ама поддерживала меня на судне. Я почувствовала, как из меня хлынула кровь: маленький ребенок лежал в горшке, хлынула кровь комками — вышло место. Мне сразу стало легко, я впала в обморок. Никто не мог понять, что со мною. Китайский доктор приказал молиться идолам и дал какой-то навар из целебных трав. Сы-вын-куй, узнав от меня, что я выпила сразу четыре зерна, пришла в ужас, — оказывается, надо пить одно зерно в три-четыре месяца. Старуха решила, что я порченная.

Сы-вын-куй убедила Суна, что меня надо сводить в театр. Сун пригласил Сы-вын-куй, взял старуху и старшую жену, и мы поехали в закрытой колымаге в театр. Шла тяжелая драма, и Сы-вын-куй плакала, не стесняясь посторонних. Драма состояла в следующем: жил богатый вельможа. Он получил от императора приказание ехать в другой город с поручением. Семья вельможи состояла из мачехи и ее сына от первого мужа и из любимой жены и маленького сына восьми лет. Не доверяя своей мачехе, вельможа отдал ключи от хозяйства своей жене, строго наказав ей следить за хозяином и сыном. С первых же дней отъезда сына мачеха стала преследовать молодую жену вельможи. С помощью своего дураковатого родного сына мачеха следит за невесткой. Молодая женщина ведет себя примерно. Одну радость, одно утешение она находит после отъезда мужа в своем ребенке. Последний оплачивал матери безумной любовью, не отставая от матери ни на шаг. Проходит время, вельможи нет. Свекровь мечтает разбить счастье пасынка и сделать наследником своего дураковатого сына. Она убеждает приятеля вельможи соблазнить невестку, назначить ей свидание ночью, — тот отказывается. Старуха предлагает деньги, — тот соглашается. Он приступает к ухаживаниям. Невестка негодует и просит его оставить ее дом. Мужчина оскорблен в своих мужских до-

стоинствах. Заговорщики перехватывают письмо вельможи к жене и, узнав о его приезде, решают действовать. Они кладут в постель молодой женщины мужскую шапочку и засовывают под постель туфли. Мучимая дурными предчувствиями, молодая женщина ночью подходит к окну, открывает его. Мачеха пользуется этим, она созывает слуг, слуги врываются в комнату невестки. Подкупленный человек с криком бежит от окна, на постели находят шапочку, под постелью туфли. Прислуга с презрением смотрит на господа и уходит, бросая ей оскорбительные обвинения. Бедная китаянка, зная строгие законы своей страны, боясь гнева мужа и своих родных, решает покончить с жизнью. Она заносит над собой кинжал, но в это время просыпается ее сын. Мысль, что сын останется сиротой, отвлекает ее от убийства. Она переодевается мужчиной. Она передает сыну ключи, чтобы тот спрятал их и не отдавал никому, кроме отца. Она поет колыбельную песню.

Весь зрительный зал плакал, когда она пела эту песню. Сы-вын-куй заливалась слезами, кусая себе пальцы.

Мальчик засыпает. Несчастливая женщина пытается написать мужу, хватаясь за кисточки, которыми китайцы пишут, но писать она не умеет. С поникшей головой уходит она из дома. Ухода ее никто не видел, собака повиляла ей хвостом. Она плачет, она не знает, куда ей идти. Вдруг взор ее проясняется, — она вспоминает, что ноги ее средней величины и могут сойти за мужские. Женщина идет в монастырь. Она поступает в монахи. Седой монах спрашивает ее:

— Знаешь ли ты, что тяжелый обет ты должен дать богу, ты отрекаешься от родных и от всего, что лежит за воротами монастыря. Подумай, пока не поздно!

Женщина-мужчина дает обет верности. Она — монах. Она исполняет тяжелые работы. Она молится все ночи напролет. Щеки ее поблекли, волосы покрылись сединой.

За высокую монастырскую стену не доходят городские новости. Вельможа всюду ищет свою жену. Раскаявшийся заговорщик рассказывает вельможе истинное положение вещей, мачеха вынуждена подтвердить невинность жены. Слава и богатство не прельща-

ют вельможу. Он и сын пошли искать жену и мать, переодевшись нищими.

В это время в монастыре наступает час пострижения. Настоятель и монахи счастливы, что среди них появился святой человек. Перед синклитом монахов выводят вновь постригаемого. Настоятель закликает не скрывать всех своих грехов и сообщить причину пострижения в монахи.

— Я все расскажу, — тихо говорит монах.

Сваливается к ногам настоятеля поддельная коса. Женщина, стоя на коленях, рассказывает повесть о себе. Настоятель в ужасе, узнав в монахе жену вельможи. Все в страхе. Женщина утешает всех.

— Я по доброму желанию пошла в монастырь, — говорит она, — вы не неволили меня. Вы приняли меня в горе, и я нашла среди вас утешение.

В это время во двор монастыря входят нищие, отец с сыном. Постригающийся монах дает последнюю клятву, — он уже постригся.

— Мама, мама! — кричит ребенок, бросаясь к монаху.

Все узнают друг друга. Все потрясены.

Тогда говорит настоятель вновь постриженному монаху:

— Помни, что ты отреклась от мира. Ты — не мать и не жена, ты — монах. Проклятие ляжет на тебя и на твой род, если ты перешагнешь ворота монастыря.

Отец и сын бросаются к монаху-матери. Та стоит неподвижно. У нее нет слез. Она благословляет сына и просит простить ее. Сын на коленях просит ее вернуться домой. Мать безмолвна.

Настоятель говорит последнее слово. Он говорит о том, что наступает час, когда ворота монастыря должны быть закрыты для посторонних, ибо монахи должны молиться. Он просит отца и сына уйти за монастырские ворота.

Отец и сын идут к воротам, все провожают их. И вот ворота закрываются за отцом и сыном. Все плачут. Железные ворота монастыря навсегда разъединили этих троих любящих. Монахи поют церковный гимн.

Весь зрительный зал заливался слезами.

Вторая пьеса была современной, изображалось время наших дней. Действие происходит в богатой семье. Ста-

руха имеет двоих сыновей. Старший женат на бедной, но благородной крестьянской девушке, которая, попав в богатство, терпит от свекрови всяческую несправедливость и даже побои. Муж тоже относится к ней пренебрежительно, хотя и любит ее. Он ставит ей в пример ученых девушек, умеющих читать по-английски. Невестка работает за всех. Она стряпает, убирает дом, всех обшивает, ухаживает за старухой, получая за все это одни насмешки и побои. Свекровь однажды, точно сорвавшись с цепи, гонит невестку из дому. Та в страшном горе возвращается в родительский дом. Но там ее принимают радушно. Старший брат говорит ей ласково:

— Не беда и не позор для тебя, если ты сама не сделала ничего нечестного. Ты молода и красива, если ты не хочешь жить самостоятельно, мы найдем тебе мужа, если и не богатого, то по сердцу.

Брат говорит о женском труде и равноправии.

Свекровь же тем временем женит второго своего сына. Невестку берут из богатого дома и так называемую образованную. С первого же дня в доме пошла неурядица. Образованная и богатая невестка сразу же ослушалась старухи; та хотела ее побить, как была старшую невестку, но невестка не подпустила ее к себе и сказала, что в долгу не останется. Невестка отказалась что-либо делать по дому, все время сидела за книгами да ходила по кино и театрам. Свекрови пришлось все делать самой. Мужу тоже не пришлась жена, она совсем не считалась с его властью, она все время тыкала ему его невежество. Мать и сын уж и не рады были, что взяли в дом такую девушку, да боялись с ней разговаривать, так как она была богата и образована. Но и они не пришли невестке. В один прекрасный день она привела с собой кули и заявила, что уходит из дома навсегда, не желая жить с необразованными людьми.

Свекровь рада, что все обошлось хорошо. Она решает вернуть старшую невестку. Она уговаривает сына поехать за женой, но тот отказывается, говоря:

— Ты ее прогнала, ты за ней и поезжай.

Мать мучается над хозяйством и, наконец, едет за невесткой. Мать застаёт невестку одну и начинает с ней говорить тем тоном, которым говорила и раньше, указывая, что развод еще не оформлен. Но в это время приходит старший брат. Он говорит старухе, что его се-

мья и его сестра не нуждаются в богатстве, времена рабства и побоев прошли. Он заявляет, что отпустит сестру только в том случае, если старуха даст клятву не притеснять невестку. Старуха вынуждена была дать такую клятву.

Невестка вернулась в дом. Положение ее в ломе совершенно переменилось. Она стала правовым членом семьи. Старуха не знает, куда усадить невестку, во всем с ней советуется и помогает ей.

Старуха, мать Суна, разохалась и разохалась по поводу этой пьесы.

— Ишь ты, зазнаются как! — говорила она. — Ну, да и мы тоже знаем, кого брать сыновьям, таких нам не надо! Сы-вын-куй была в восторге.

11

Сун курил опиум. Мне говорили, что курить опиум — наслаждение. Я попросила Суна дать мне покурить. Сун приготовил мне трубочку. От первой затяжки я задохнулась, вторая прошла удачно. По совету Суна я прилегла на кане, чтобы видеть фантастические сны. Голова моя кружилась. Но вместо прекрасных снов я увидела утреннюю ссору с Суном, с той лишь разницей, что в дыму опиума я была героиней: с совершенной ловкостью я бросала вазы в голову Суна, прыгала, летала по воздуху, все разбегались от меня, даже жаворонки вылетели и улетели. Затем я заснула уже без снов, и наутро болела голова.

Через два дня я покурила уже без Суна, и... я видела незнакомого мужчину, необыкновенно красивого, безумно ласкавшего меня на роскошной постели. Лица этого мужчины я не помнила и не помню. В течение нескольких недель каждый вечер я курила опиум, и каждый вечер ко мне приходил этот мужчина. Я жаждала ласк и объятий. Не курить я уже не могла. Со временем образ этого мужчины исчез из снов, но не курить я не могла уже потому, что меня тянуло физически, да я и не хотела бросать. За трубкою опиума приходило спокойствие, всегдашняя моя тоска исчезала. Окружающие люди были мне безразличны. Я становилась бессильной, в блаженном полузабытии я лежала на кане и блажен-

но перебирала в памяти всякие пустяки. Я знала, что курение опиума разрушает здоровье, каждый день давала себе слово больше не курить, но наступало десять часов вечера, я не находила себе покоя и места. Сун, заметив, что я уже не могу не курить, вместо того чтобы отправить меня к врачам, дал мне волю. Каждые десять часов вечера я погружалась в опиум.

12

У Суна был дальний родственник Ин-ся-сын. На моих глазах он проделал обыкновенную у китайцев карьеру. Человек с веселым характером, но малоотесанный, еще в деревне он познакомился с семейством миллионеров, имевших в нашем городе крупнейшую торговую фирму. Он поступил к ним на службу и переехал служить в город, порвав с деревней; привез с собой свою деревенскую жену, поселил ее в бедном квартале, сам же жил у миллионеров. Про него и про жену миллионера ходили темные слухи, с самим же миллионером он больше занимался не торговлей, а кутежами, причем состоял при миллионере в качестве заводилы и остряка. Когда я приехала в Китай, Ин-ся-сын был в нашей семье на самом последнем счету. А через год он оказался первым человеком. Он нанял себе квартиру в самом дорогом квартале, жена его стала носить шелка, сам он располнел и разбух от важности. Из китайской фирмы он ушел, расставшись со своим прежним хозяином-врагом, открыл свое дело. Но пьяная служба при прежнем хозяине наложила свой отпечаток. Он жил ухарем-купцом, рубахою-парнем.

О нем я вспомнила не только потому, что его судьба напоминает многие судьбы русских купцов, но и потому, что он открыл мне мир, который я смогла увидеть только благодаря ему. Сун, хоть и скрывал это тщательно, заискивал перед Ин-ся-сыном. Ин-ся-сын влюбился в девушку из публичного дома и пристал к Суну с тем, что хочет меня познакомить с нею. Вообще жен в публичные дома водить не полагается. Ин же доказывал, что меня можно туда сводить, потому что я русская. Сун поскрипел языком и сердцем, но вынужден был уступить другу. Меня, конечно, не спрашивали: хочу ли я поехать в публичный дом. Но про себя я скажу, что —

да, я хотела съездить туда, потому что и это было разнообразием, а мое положение ничем, по существу, не отличалось от положения девушек в публичном доме.

Ин-ся-сын приехал за нами на рикшах. На воротах публичного дома красовалась зеленая лента широкого шелка, в китайских изречениях. Привратник подобострастно закланялся Ин-ся-сыну и продал нам два билета — я была не в счет. Мы прошли на круглый двор, в который выходило множество маленьких дверей и окошек. Двор был засажен цветами, посреди двора был фонтан. Было шесть часов вечера, двор пустовал. Ин-ся-сын приказал ударить в гонг. Сразу же распахнулись шторы-двери и оконца, за шторами сидели девушки. Они вышли на двор и построились в полукруг. Все они были в пестрых халатиках. В стороне стояли пять совсем еще маленьких девочек, недавно купленных, как мне объяснил Сун; пока они жили в публичном доме, не принадлежа еще мужчинам, но обучаясь у взрослых своему ремеслу. Ин-ся-сын и Сун с интересом рассматривали девушек. Те не опускали глаз, смело отвечали на вопросы. Ин-ся-сын заплатил десять долларов за осмотр и оставил при себе свою девушку — Се-сель.

Со мною Се-сель поздоровалась за руку, по-европейски. Должно быть, она на самом деле была искренно рада, что к ней пришла женщина из другого мира, жена китайца с общественным положением, не постыдилась ее. Она сказала мне об этом, и в ее словах, когда она говорила это, была настоящая грусть. Она называла меня — Сун-тэй-тэй. Мое сердце всею искренностью расположилось к ней. Мы прошли в ее комнату, которую лучше назвать закромом или стойлом. Подали чай и сладкое вино. Сели играть в маджан. Я плохо играла; позвали подругу Се-сель. Пришедшая девушка была явно больною. Я спросила ее, что с нею. Она сказала, что только месяц, как она встала после родов и недомогает до сих пор. Ребенка она отдала матери, а мать продала его в богатую бездетную семью, и, кроме физического недомогания, девушку мучила тоска по ребенку, которого она сознательно хотела родить, скрыв свою беременность от содержателя публичного дома, за что ей теперь приходится работать вдвойне, отработывая потерянные дни.

Мужчины играли, выпивали и веселились. В десять часов мы все покурили опиума. В одиннадцать мы с